

УДК 94(47).045

**ЗЕМСКИЙ СОВЕТ В ОСАЖДЕННОМ СМОЛЕНСКЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ 1610–1611 ГОДОВ**

© 2017 г.

А.М. Молочников

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

almolochnikov@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2017

Публикация продолжает цикл исследований по истории обороны Смоленска от польско-литовского войска в Смутное время (1609–1611 гг.). Разбирается вопрос о власти, которую жители Смоленска признавали легитимной во время междуцарствия 1610–1611 гг. в условиях отсутствия законного монарха. Рассматриваются историография вопроса и различные варианты его решения. На основе анализа исторических источников делается вывод, что смоляне до ноября 1610 года сохраняли верность царю Василию Шуйскому. Затем появляется формула присяги «Московского государства боярам и всей земле». Рассматривается история возникновения этой формулы и её значение для обороны Смоленска в период междуцарствия.

Ключевые слова: история России, военная история, городская община, Смутное время, Смоленск, стрельцы, Лжедмитрий II, Сигизмунд III, Владислав IV, М.Б. Шеин.

Смоленская оборона 1609–1611 годов стала одним из самых выдающихся событий Смутного времени. Важнейшей особенностью обороны стало то, что она пришлась на Смутное время – период междоусобной войны в России, когда различные силы (самозванцы, представители боярских родов) вели борьбу за царский престол. Поэтому Смоленск с самого начала оказался в изоляции, и оборона города велась немногочисленным гарнизоном стрельцов и детей боярских, а основную часть войска составляли местные жители – посадские люди. С начала августа 1610 года оборона продолжалась в условиях междуцарствия: царь Василий Шуйский, которому присягали смоляне, был свергнут, а московские бояре приняли решение пригласить польского королевича Владислава. После этого сопротивление польско-литовскому войску должно было стать нелегитимным, однако смоленские жители упорно отказывались от капитуляции вплоть до решительного штурма 3 (13) июня 1611 года [1, с. 111]. Именно это сопротивление сковало польско-литовское войско и позволило собраться ополчению для освобождения Москвы.

Для современных историков важно понять причины, по которым город сопротивлялся даже после присяги Владиславу в столице и во многих городах. Особенно интересны настроения жителей, которые остались без государя, за которого нужно было воевать. В биографии воеводы Шеина Вадим Каргалов пишет: «Но была у воеводы присяга выше, чем присяга царю, – верность России. Воевода отказался “бить челом” королю, в чем нашел полную поддержку у смоленского посада» [2, с. 44]. Такое объясне-

ние было достаточным для научно-популярной литературы, но совершенно не удовлетворяет современным представлениям о мировоззрении средневековых людей. Историк С.В. Александров постарался исследовать настроения смоленского посада на основе анализа смоленских документов и королевского дневника похода. Он пришел к выводу, что воевода Шеин и смоляне фактически поддержали присягу королевичу Владиславу, однако польско-литовская сторона настаивала, чтобы присягали самому королю Сигизмунду [3, с. 226]. При этом горожане поддерживали идею воеводы о присяге Владиславу, а дворяне были готовы присягнуть Сигизмунду, чтобы вернуть себе занятые неприятелем поместья. Здесь Александров опирается на свидетельство дворян-перебежчиков в пересказе королевского дневника: «Бояре, которых есть 200, стрельцы, которых 12 000, духовенство и воевода стоят за то, чтобы сдаться на имя короля, и говорят, что им все равно – быть ли под властью короля или его сына, лишь бы их оставили при их вере и правах; а посадские люди, т.е. купцы, в числе которых есть много зажиточных, богатых, никак не хотят отложиться от столицы, а желают целовать крест королевичу, как это сделала столица» [4, стб. 666–667]. Но Александров как будто не заметил, что в этом тексте сам воевода Шеин назван в числе сторонников Сигизмунда, что противоречит другим источникам. Также нет дополнительных сведений и о желании смоленских дворян присягнуть самому королю, а не его сыну (и перейти в подданство Речи Посполитой). Следовательно, показания перебежчиков рисовали нарочито благо-

приятную для короля картину. В остальных случаях смоляне говорили о готовности присягнуть королевичу только в том случае, если бы король прекратил осаду и отвел войско от крепости [4, стб. 717–720]. Возможная присяга была для воеводы и горожан важным аргументом в переговорах, так что о признании Владислава государем внутри Смоленска во время осады говорить не приходится.

Неожиданное решение вопроса о присяге смолян предложил исследователь П.В. Епифановский [5, с. 220–225]. По его мнению, смоляне после свержения Василия Шуйского перешли на сторону оставшегося претендента на престол, то есть Лжедмитрия II, и только благодаря этому смогли продолжать сопротивление. «Ожидание прихода освободителя в лице Лжедмитрия II придало смысл этой борьбе», — отмечает исследователь в конце статьи [5, с. 225]. Исследователь ссылается на одно только следственное дело, а именно на неосторожные слова вяземских дворян, что воевода и горожане «королю и королевичу не целуют, а ждут с Москвы вора» [6, с. 119]. Эти крамольные речи были подслушаны и донесены воеводе 11 декабря 1610 года (здесь и далее все даты, полученные из смоленских документов, приводятся по новому стилю). А уже 12 декабря под стенами смоленской крепости произошел разговор между делегацией сторонников Владислава из королевского лагеря и такими же пораженцами из числа осажденных. В дневнике королевского похода подробно описан этот разговор и его неожиданное завершение:

«Они отправились к крепости, и когда подали голос, то сбежалось на бруствер много народу — бояр, стрельцов, черни и женщин. К ним один из бояр, какой то Стефан, сказал: “на кого же вы держите город и за кого проливаете кровь? Сделайте так, как сделали мы в столице. Когда мы увидели, что нет никаких средств и никакой надежды на спасение, то взяли в свои руки царя и его братьев и отдали гетману. Сделайте так и вы — выдайте Шеина. Вам легче одолеть одного боярина, нежели нам царя, своего государя, а государь король всех вас пожалует жизнью и именьями так же, как пожаловал нас”. После того поднялся большой крик; на стенах кричали: “не знаем на кого [Шеин] держит город — на черта или на Вора; он говорил нам, что [король?] всех отдаст под меч, разграбив имущества; Шеин сделает то, что прикажет Голицын”. Стефан сказал на это: “вы не будете знать, что втихомолку решит Шеин с Голицыным; но заботьтесь о себе вовремя”. Вдруг прибежал Шеин, с яростью стал отгонять народ палкой, а боярам с бранью приказал идти от

стен, прочь “а то прикажу стрелять”, сказал он. И действительно, сейчас осажденные стали кидать в них камнями, так что бояре принуждены были уходить прочь» [4, стб. 705–706]. В этом рассказе очень красочно показан образ воеводы Шеина и его методы управления. Однако для нас интересно, что даже сторонники Владислава в крепости не имели точных сведений о том, что Шеин присягнул Лжедмитрию. «Не знаем на кого [Шеин] держит город — на черта или на вора», — говорили они. Таким образом, фраза «а ждут с Москвы вора» была таким же риторическим предположением, как и упоминание нечистого.

Версия Епифановского на самом деле не отличается новизной: о связях Шеина с тушинским вором говорил и сам король Сигизмунд в своем письме московским боярам от 21 ноября 1610 года: «А те люди, которые к нам из Смоленска бегут, говорят, будто бы в городе Смоленске между людьми великое нестроение и множество таких, которые Вору Калужскому радеют и сидеть и умирать за него хотят; и сам Михайло Борисович Шеин будто бы Ивана Зубова... из тюрьмы выпустил и к Вору послал» (в публикации приведен также польский оригинал грамоты) [7, с. 193]. Здесь мы видим ту же картину — ссылка на слова перебежчиков, у которых не было точных сведений. Перебежчики сообщали, что Шеин выпустил из тюрьмы и куда-то отправил бывшего тушинца Зубова (его арест и последующее освобождение подтверждаются другими источниками) [6, с. 92–95, 128–129; 8, с. 161–162].

Вероятно, смоленский воевода действительно пытался найти военную поддержку в тушинском лагере и для этого использовал своего бывшего соперника Зубова (факт сам по себе примечательный). А летом 1611 года именно воеводы из бывшего калужского лагеря, Федор Барятинский и Юрий Беззубцев, выступили на помощь Смоленску, но не смогли успеть до решающего штурма [9, с. 358]. Однако действия Барятинского и Беззубцева относятся ко времени Первого ополчения, когда Лжедмитрий уже был убит, а бывшие «москвичи» и «тушинцы» окончательно примирились. Думается, что поиск союзников в тушинском лагере Шеин начал уже в 1610 году при помощи Зубова, но это зондирование почвы ещё не означало признания самозванца. В самом калужском лагере ничего не знали о переходе Смоленска на сторону Лжедмитрия. Нет об этом сведений и в формулярах смоленских документов. Между тем даже такой властный воевода, как Шеин, не мог решать вопрос о продолжении обороны без опоры на горожан. Следовательно, у смолян должна была быть формула присяги, которая могла бы

решить вопрос о государе в условиях междоусобицы. Такая формула присяги могла носить временный или условный характер, но не могла быть тайной от жителей Смоленска, от которых зависело продолжение обороны.

Формулу присяги нужно искать в смоленских документах, в которых использование имени государя было необходимо по московским традициям делопроизводства. Такими грамотами были поручные записи и челобитные.

Поручные записи по ново-приборным смоленским стрельцам сохранились за начало ноября 1610 и за январь 1611 года. Всего сохранились четыре поручных записи по новобранцам и ещё одна запись по делу о краже. В записи от 14 ноября 1610 года читаем: «...все мы, поручики, стрельцы Василева приказа Григорьевича Чихачева, поручились есьми государеву *цареву и великого князя Василия Ивановича всея Руси* сыну боярскому сотнику стрелецкому Осипу Митькову, по новоприборном стрельце того же приказу» [6, с. 138].

То есть смоляне и в ноябре 1610 года, через 5 месяцев после свержения царя Василия, продолжали сохранять верность старой присяге. В другой ноябрьской записи нет точной даты, также нет имени государя, порука дается только сотнику Осипу Митькову [6, с. 137]. Точно так же нет имени государя в поручной записи, которая составлялась по следственному делу, когда в конце декабря 1610 года нескольких стрельцов обвиняли в краже [6, с. 120–122]. Вероятно, это было связано с тем, что пленного царя вывели из королевского лагеря за рубеж (это произошло 25 ноября 1610 года) [4, стб. 698]. Имя царя убрали из формуляра, но не стали записывать туда никаких других претендентов. Только в начале нового, 1611 года была найдена новая формула. Она встречается в двух записях по новобранцам стрелецких сотен от 26 января 1611 года: «...поручились есьми все мы, стрельцы Василева приказу Григорьевича Чихачева, *московского государства боярам и всей земли* сыну боярскому сотнику стрелецкому Осипу Митькову, того ж приказу по новоприборных стрельцах...» [6, с. 136]. В другой поручной записи по точно такой же формуле ручаются стрельцы из сотни Стефана Шатохина [6, с. 135].

Формула «Московского государства боярам и всей земле» на заключительном этапе осады встречается и в челобитных. К авторитету «бояр и все земли» обращается холоп Васька Нечаев, когда хочет отсудить кабалу на себя и свою семью у хозяйки, Матрены Зубовой [6, с. 128]. Он подал челобитную без точной даты в январе 1611 года и закончил её словами «государь,

смилуйтесь, пожалуйста!». Таким образом, «московского государства бояре и вся земля» выступали как «государь», к которым нужно было обращаться во множественном числе. Такая же формулировка встречается в недатированной челобитной Федора Климова о том, чтобы его крестьян не брали в слухи [10, с. 704–705].

Другая челобитная «боярам и всей земле» с жалобой на стрельца Ивана Гребенника, который присвоил себе наследство жены челобитчика, также не датирована, поскольку её начало не сохранилось (мы можем только предполагать, что её подал некий стрелец из приказа Ивана Оболенева) [6, с. 54–55].

Несмотря на скудость данных о последнем этапе обороны Смоленска, все же можно утверждать, что смоляне до самого конца не присягали ни Владиславу, ни Лжедмитрию II. Тем не менее в конце ноября – декабре 1610 года был непростой период: от имени царя Василия в формуляре отказались, однако нового формуляра ещё не нашли. Тогда ещё не было известно о гибели самозванца, и потому отсутствие формулы присяги было на руку сторонникам Владислава и в королевском лагере и внутри крепости. Они смогли обвинять Шеина в том, что он передался самозванцу. Подобные обвинения действительно выдвигались в декабре 1610 года, уже после того, как бывшего царя Василия Шуйского вывели за рубеж. Только письмо Сигизмунда с известием об Иване Зубове относится к более раннему времени. Думается, что вид пленного царя заставил воеводу Шеина и его соратников искать новую идеологическую опору для продолжения восстания. Мучительный этап поисков все же не помешал смолянам успешно отразить штурм 1 декабря 1610 года [4, стб. 699–701].

Следует отметить, что формула «Московского государства бояре и вся земля» имела сложную историю. Она не сразу была связана с патриотическим движением. В феврале 1610 года её использовали новые сторонники короля Сигизмунда из бывших тушинцев: М.Г. Салтыков, И.Т. Грамотин и другие (к ним тогда примыкал и митрополит Филарет). После бегства своего «государя» Лжедмитрия II из Тушино в Кулугу, они надеялись использовать авторитет «всей земли» для переговоров с новым господином – польским королем [9, с. 116–122]. Составленный тушискими боярами проект избрания Владислава был поддержан ржевскими и зубцовскими дворянами и предполагал, что будущий государь будет советоваться «с боярам и всей землей» [7, с. 64–69]. В проекте эта формула встречается несколько раз. В итоговом варианте

соглашения с королем Сигизмундом и позднее, в договоре московских бояр с Жолкевским, упоминания «всей земли» были сохранены только в одном пункте (об участии «всей земли» в принятии новых статей Судебника) [7, с. 69–73, 101–103; 9, с. 128–129]. Во время патриотического подъема против польско-литовского войска в 1610–1611 годах присяга «Московского государства боярам и всей земле» приобрела новое значение. Она предполагала отказ от всех прежних кандидатов на престол и предусматривала новый вариант объединения. В отсутствие государя править должны бояре, однако формула не предполагала безусловного подчинения московским сторонникам короля Сигизмунда. Бояре, при отсутствии государя, должны править при поддержке «всей земли», то есть земского совета из представителей всех сословий.

В осажденном Смоленске формула присяги «Московского государства бояре и вся земля» приобрела особое значение. По сути дела, эта формула узаконила положение, которое и так сложилось в Смоленске в 1609–1611 годах. Воевода Шеин уже в 1609 году во всех решениях опирался на всесословный земский совет. В этот совет входили и дворяне, и стрельцы, и духовенство, но решающую роль в нем играли горожане-ремесленники – посадские люди. И в войске, оборонявшем Смоленск, и в земском совете посадские люди составляли большинство [11, с. 224–230; 12, с. 249; 13, с. 16, 21, 26–27]. Именно они всегда поддерживали воеводу Шеина в его решении не сдавать город, и именно они брали на себя основные тяготы осады (ночной караул на стенах, служба при артиллерии, саперная служба в подкопах). Поэтому земский совет в Смоленске стал собранием ратных людей. Через земский совет посадские люди имели серьезное влияние на военное управление городом уже с первых дней обороны (с сентября 1609 года). Формула присяги «московского государства боярам и всей земле» узаконила власть земского совета, а следовательно, посадского мира. Теперь участники земского совета стали представителями «всей земли» в осажденном Смоленске, а воевода Шеин был одним из «Московского государства бояр». В результате в 1611 году власть Шеина и посадского большинства в земском совете ещё больше укрепилась и получила юридическое подкрепление.

На завершающем этапе Смоленск стал не только передовым краем борьбы с польско-

литовским войском, но также одним из первых городов, в котором ещё в 1609 году зародилась, а в годы междуцарствия закрепились система управления думного боярина и воеводы с опорой на земский совет. Эта система управления показала свою надежность в «безгосударское время» и в дальнейшем использовалась в Первом и во Втором земских ополчениях.

При создании статьи были учтены советы и пожелания коллег, высказанные по итогам моего выступления на заседании конференции «Мининские чтения – 2016». Выражаю благодарность В.А. Виноградову, Д.В. Лисейцеву, Я.Н. Рабиновичу, А.А. Селину и другим участникам обсуждения.

Список литературы

1. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Том 14. М., 2000.
2. Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М., 1990.
3. Александров С.В. Смоленская осада. 1609–1611. М., 2011.
4. Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека, Том 1. СПб., 1872. Стб. 428–720.
5. Епифановский П.В. Значение обороны Смоленска лета – осени 1610 года в событиях Смутного времени // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 220–225.
6. Памятники обороны Смоленска. (1609–1611 гг.) / Под ред. и с пред. Ю.В. Готье // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 6. М., 1912.
7. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством: Т. 5 / Под ред. С.А. Белокурова // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 142. СПб., 1913.
8. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1598–1613. СПб., 1841.
9. Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
10. Челобитная Федора Климова // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875. С. 704–705.
11. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940.
12. Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 247–333.
13. Повесть о победах Московского государства. Л., 1982.

**ZEMSTVO COUNCIL IN THE BESIEGED SMOLENSK AND ITS IMPACT
ON THE PATRIOTIC ENTHUSIASM OF 1610–1611**

A.M. Molochnikov

This publication continues a series of studies on the history of the defense of Smolensk from the Polish-Lithuanian army in the Time of Troubles (1609–1611). We examine the issue of the power that was considered legitimate by the inhabitants of Smolensk during the interregnum between 1610 and 1611, in the absence of a legitimate monarch. The historiography of this question is considered and various options for dealing with it are discussed. Based on the analysis of historical sources, the author concludes that Smolensk remained loyal to Tsar Vasily Shuisky until November 1610. Then the formula of the oath "To the Moscow State boyars and to all the land" appeared. We examine the history of this formula's origins and its significance for the defense of Smolensk during the interregnum.

Keywords: Russian history, military history, urban community, Time of Troubles, Smolensk, archers, false Dmitry II, Sigismund III, Vladislav IV, M.B. Shein.

References

1. Novyj letopisec // Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom. 14. M., 2000.
2. Kargalov V.V. Polkovodcy XVII v. M., 1990.
3. Aleksandrov C.B. Smolenskaya osada. 1609–1611. M., 2011.
4. Pohod ego korolevskogo velichestva v Moskvu [Rossiyu] 1609 goda // Russkaya istoricheskaya biblioteka, Tom 1. SPb., 1872. Stb. 428–720.
5. Epifanovskij P.V. Znachenie oborony Smolenska leta – oseni 1610 goda v sobytijah Smutnogo vremeni // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 3 (11). S. 220–225.
6. Pamyatniki oborony Smolenska. (1609–1611 gg.) / Pod red. i s pred. Yu.V. Got'e // Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva. 1604–1613 gg. Vyp. 6. M., 1912.
7. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom: T. 5 / Pod red. S.A. Belokurova // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 142. SPb., 1913.
8. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arheograficheskoy komissiej. T. 2. SPb., 1598–1613. SPb., 1841.
9. Florya B.N. Pol'sko-litovskaya intervenciya v Rossii i russkoe obshchestvo. M., 2005.
10. Chelobitnaya Fedora Klimova // Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoy komissiej. T. 2. SPb., 1875. S. 704–705.
11. Mal'cev V.P. Bor'ba za Smolensk (XVI–XVII vv.). Smolensk, 1940.
12. Pis'ma Ya. Zadzika L. Gembickomu // Ehj'bart N.V. Smutnoe vremya v pol'skikh dokumentah gosudarstvennogo arhiva Shvecii. Novosibirsk, 2013. S. 247–333.
13. Povest' o pobedah Moskovskogo gosudarstva. L.,

1982.